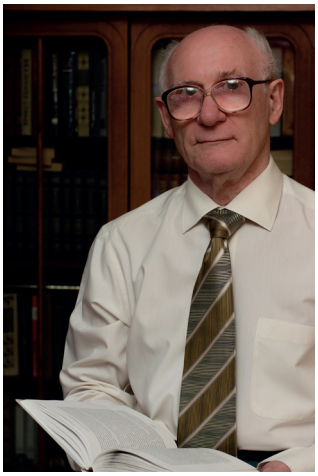
СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИНТЕРВЬЮ СЕРДИТОГО ЭКСПЕРТА

Г. Ф. Шафранов-Куцев

Социологи Уральского федерального университета выполняют по гранту интересное исследование «Образовательные общности в условиях перехода к нелинейной модели высшего образования», предполагающее опрос экспертов. Среди них главный редактор журнала «Вестник ТюмГУ: социально-экономические и правовые исследования», доктор философских наук, академик РАО, научный руководитель ТюмГУ Г. Ф. Шафранов-Куцев, который в беседе с известным социологом, профессором кафедры социологии УрФУ Г. Е. Зборовским обсудил значимые вопросы развития российской высшей школы, представляющие интерес для широкой научной общественности.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, хотелось бы выяснить Ваше мнение относительно возможности формирования в наших условиях неопределенности нелинейной модели высшего образования, особенно на региональном уровне. Как Вы полагаете, насколько реально сейчас или в исторически обозримом будущем создать нечто иное, отличающееся от современной модели высшего образования, определяющейся вертикалью власти, ее давлением?



Г. Е. Зборовский

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Создание будет определяться властью. В свое время я совершил одну ректорскую ошибку стратегического характера, которая на десятилетия определила судьбу нашего университета. Я полагал, что есть прогрессивный

© ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет

даже по демократическим меркам закон «Об образовании в РФ», по которому все, что построено, приобретено или получено университетом в дар — это его собственность. Все новые здания, которые были построены и приобретены на привлеченные средства по действующему в то время законодательству, мы оформляли в собственность вуза. Я полагал, что коллектив, профессура — уважаемые люди, авторитетные, «укорененные», со временем станут собственниками вуза, и получится народное предприятие.

К 2000 г. в собственности университета было уже больше половины имущественного комплекса. Появились базы практики и отдыха под Тюменью, на Байкале, на берегу Черного моря. Сергей Семенович Собянин, который в то время был губернатором Тюмени, после открытия очередной новостройки – медико-санитарной части, заметил на заседании правительства: «Где этот артист только деньги находит?». А где только не находили: университетский ресторан, аптека, проектно-конструкторское бюро, ремонтно-строительное управление — все работало на кассу университета, вплоть до автомойки! Отсюда и деньги на новые учебные корпуса, жилье и т. д. Просматривалась новая экономическая модель вуза, новые социально-экономические отношения.

А потом, после изменений в налоговом кодексе, государство все перевело в федеральную собственность. Знаю, что Геннадий Иванович Райков с группой депутатов уже работал над проектом закона о народном предприятии, поскольку именно работники должны владеть собственностью и приумножать ее. В этом есть логика: уволился — тебе ничего от этого не достанется, а вот если здесь работаешь — тебе что-то идет! И ведь я ничего нового не изобретал, такая форма коллективной собственности практикуется во многих странах. Думаю, что это была бы интересная модель, способная сильно развиваться.

Г. Е. Зборовский: И уже на ее основе можно было бы решать иные университетские проблемы?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Любые! Потому что они не были бы нагрузкой для государства и бюджета. У нас было золотое правило: держать зарплату на более высоком уровне, чем в регионе и городе, а весь остаток вкладывать в строительство, в развитие. Сейчас модно говорить об автономии и автономных университетах. Опять законодательно записывается, что построенное, приобретенное на средства не из госбюджета — ваше. А где гарантия, что через 5 лет законы не изменятся? Сейчас самая главная беда — это неустойчивость законодательства, отсутствие четких ориентиров, того, как можно развиваться с выгодой для страны, региона, людей. Вспомним Кузьму Пруткова: «Единожды солгавший, кто тебе поверит».

Г. Е. Зборовский: Значит социальная неопределенность идет не только от экономических и социальных проблем глобального или нашего внутреннего порядка, но и от поведения власти.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Так это глобальная проблема и есть. Вы заинтересуйте людей! Разве сейчас профессор сильно заинтересован в эффективности своей работы?

Г. Е. Зборовский: Никак не заинтересован.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: «Энтузиасты», конечно, случаются, но в XXI в. пора бы задуматься о достойном уровне жизни профессоров. Университеты и держатся во многом благодаря этим энтузиастам, что в основном редкость, исключение из правил. Вот это главная проблема, я считаю.

Г. Е. Зборовский: Понятно. И это проблема общероссийского характера.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Конечно.

Г. Е. Зборовский: А если говорить о проблеме Уральского региона? Нашего Уральского федерального округа?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: А чем у нас регион отличается от России?

Г. Е. Зборовский: Может быть, есть что-то специфическое?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Нет. Север — другой разговор. Еще есть регионы, где высшим образованием «и не пахнет». На Ямале нет ни одного вуза, даже педагогического. Только колледж для подготовки учителей, работающих с малочисленными народами Севера и кочевыми школами со знанием языка, но это среднее-профессиональное образование. А я считаю, что в XXI в. учитель без высшего образования — это нонсенс!

Особой региональной специфики в самом образовательном процессе я не вижу: у нас то же самое, что и в Иркутске, в Красноярске, в Калуге и др. Другой вопрос — местная власть. Сейчас наш губернатор стал председателем попечительского совета в трех вузах: Государственном аграрном университете Северного Зауралья, Тюменском индустриальном университете и Тюменском государственном университете. Он «загорелся», понял, что высшая школа — один из мощных рычагов развития региона. Благодаря его позиции мы попали в список «5-100». Он же, единственный из всех губернаторов, поехал во Владивосток и представил наш университет. Пообещал поддержку, причем цифры звучали солидные — конечно, комиссия дрогнула. Так был организован первый в стране опорный вуз. Вот отношение власти, по крайней мере, в нашей области, но так — далеко не везде. Это наша специфика.

Г. Е. Зборовский: Совсем не везде. Геннадий Филиппович, какие еще наиболее острые проблемы, по Вашему мнению, существуют в образовании? В связи с тем вопросом, который я задал о специфике того, что происходит у нас на Урале, практически все проблемы — однопорядковые?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Так мы же не Урал, мы — Западная Сибирь, уральские сибиряки или сибирские уральцы!

Г. Е. Зборовский: Уральский федеральный округ. Я имел в виду это.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это еще один управленческий нонсенс. Академия наук, наши академические институты подчиняются Новосибирску, а мы — Екатеринбургу. Знаменитая Тюменская матрешка! У нас больше половины областного парламента — депутаты с Севера, потому что два автономных округа по численности населения больше юга Тюменской области. Они принимают законы, которые их не касаются. Это политологический анекдот. Больше прецедентов в мире, пожалуй, нет. Депутаты должны представлять население, которое

живет на их территории. Население их избрало, но они для них ничего не решают, ни за что не отвечают. В автономных округах свои парламенты. Такие вот находки.

Г. Е. Зборовский: Находки любопытные и связанные с созданием федеральных округов. Я писал об этом еще в 2005 г.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: А по населению? Нарезали по 12-15 млн в федеральном округе. Сложили Челябинск, Курган, Екатеринбург, Тюмень и два округа. Вот и получилось 12 млн.

Г. Е. Зборовский: Т. е. Вы считаете, что федеральный округ как таковой — сам по себе нонсенс? Он мало что решает?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Он практически ничего не решает! Ну, заслушивают губернаторов, награждают. Я получил к 85-летнему юбилею университета благодарность от полномочного представителя президента. Спасибо.

Г. Е. Зборовский: И все? Т. е. необходимости в федеральном округе нет, и он, по Вашему мнению, не является регионом?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Он искусственно создан.

Г. Е. Зборовский: В свое время я писал о том, что федеральные округа создавались для того, чтобы поделить полномочия, т. е. в политических целях.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Нет, самое главное — они были созданы для того, чтобы навести порядок, потому что из Москвы в такой гигантской стране это сделать трудно. И у федеральных округов есть свои силовые структуры — прокуратура, полиция и т. д.

Г. Е. Зборовский: Но Уральский федеральный округ можно было создавать на базе того, что было в региональной экономике и политике Урала. Однако в итоге Пермь, Башкирию и Удмуртию отдали Поволжью, а к Уралу присоединили Тюменскую область и два автономных округа. И я думаю, что это было сделано для того, чтобы ослабить достаточно сильные в экономическом и политическом плане связи между областями, которые традиционно существовали.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Но они остаются. Хотя, конечно, когда мы первыми в стране создали городской муниципальный университет в Сургуте, это было решением городских властей. И когда я согласился быть советником руководства нового университета, то губернатор (Леонид Юлианович Рокецкий) сказал мне: «Ты что делаешь? У них и так все стремятся к суверенитету, а мы еще кадры готовить у них будем. Пусть едут учиться в Тюмень!». Сейчас с новыми губернаторами положение получше. Однажды я даже набрался наглости и предложил назвать региональную энциклопедию — Большая Тюменская Энциклопедия, исходя из того, что Югория и Ямал — это уже маленькие. Собянин тогда сказал: «Ну, вы даете!». Сепаратистские тенденции у нас экономически обоснованы — только представьте, что будет, если сложить три бюджета субъектов округа. А когда они разделены, центру проще снимать сливки.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, по Вашему мнению, на каких принципах сегодня должна строиться модель российского высшего образования? Могли бы Вы их сформулировать с учетом того, что Вы говорили?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Я бы сказал так: прежде всего, на наших российских принципах, менталитете и традициях. Это очень важно. Нужно меньше смотреть на Запад, т. к. их образовательная модель уже давно сложилась. В 80-е гг. XX в. с воодушевлением воспринималась инициатива избрания ректоров вузов. Я с удивлением обнаружил, что в России в XIX в. ректора избирали только на 1 год. Если он хорошо работал, его избирали еще на год. Рекордным был срок работы ректора Московского университета — 11 лет. В знак благодарности власти университета затем устроили его библиотекарем. Нам следует бережнее, аккуратнее переоценивать наше наследство, в том числе и советское. Накоплено много: и опыт физтеха, и втузовское высшее образование, и государственное распределение выпускников, и др. Зачем от этого отказываться?

Но большой проблемой для нашей страны всегда были и остаются громадные расстояния между городами. О какой академической мобильности может идти речь, если профессор должен тратить почти неделю рабочего времени для того, чтобы прочитать пару лекций, принять участие в конференции или заседании ученого совета в другом городе.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, в связи с вопросом о принципах нашей модели высшего образования в литературе и исследованиях, поделитесь, видите ли Вы недовольство по поводу обустройства высшего образования в России с подачи либералов Высшей школы экономики.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Ну, это форменное безобразие! Даже комментировать не стану. Потому что их годовой бюджет насчитывает 16 млрд руб. Они собирают кадры со всей России и из-за рубежа, много экспериментируют. Все видные академики РАО, в которой я имею честь состоять, такие, как В. Шадриков, В. Болотов и др. — они все там. В ВШЭ очень хорошо платят, в том числе и аспирантам, которые не могут и не должны существовать на одну стипендию.

Г. Е. Зборовский: В 1995 г. меня пригласил туда работать А. Шохин. В Высшей школе как раз создавался социологический факультет, О. Шкаратан находился у истоков. Я был тогда проректором по международным связям в Российском профессионально-педагогическом университете, и они пригласили меня перейти в ВШЭ работать профессором с учетом того, что у меня хороший практический английский язык. И когда я отказался, они страшно удивились. Сказали, это вообще непонятно, почему Вы отказываетесь? Я говорю, что не люблю менять место жительства и вуз. Где родился — там и пригодился. А перспективы были колоссальные: меня хотели отправить на полгода в Стэнфорд, чтобы я написал там программу и читал курсы на английском языке.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Вы отказались ехать в Москву? А вот перед Вами человек, который дважды уезжал оттуда по доброй воле. Первый раз в молодости, когда мне предложили возглавить Иркутскую комсомольскую организацию. Мне было 24 года, я был ответорганизатором ЦК комсомола, и, не советуясь с женой, согласился и уехал. Второй — уже после развала Советского Союза, когда работал у Г. Ягодина заместителем. У меня была квартира в центре города,

20 минут пешком до Большого театра, в пределах Садового кольца. Этот дом строили для правительства, в нем жили известные люди — Ю. Сенкевич, С. Федоров, М. Прокофьев. Но я не жалею, что уехал.

Г. Е. Зборовский: Отношение к тому, что говорит сегодня «Вышка», я понял: они копируют западные модели и предлагают их нам.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Дайте нам такие деньги, мы лучше модель придумаем. Но о чем вообще можно говорить, когда рядовой профессор получает 50 тыс. руб. в месяц, а доцент — 25-30.

Г. Е. Зборовский: Да, совершенно верно!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Поэтому, конечно, Стэнфорд и все остальные мировые гранды имеют бюджеты, превышающие все средства нашей системы высшего образования. И мы еще хотим рядом в рейтинге выстроиться.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, по вашему мнению, какие направления инновационной деятельности важны для регионального вуза? И можно ли построить некую модель высшего образования для определенного федерального округа?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Не получится, т. к. вся элитная молодежь уезжает либо за границу, либо в Москву, Питер. В области десять стобалльников по русскому языку, пятеро — из нашей университетской гимназии, так они сразу уедут, пройдут на бюджетные места и все.

Г. Е. Зборовский: Но ведь их еще и постоянно забирают. Недавно я брал интервью у известного ученого, организатора науки, профессора Олега Ребрина — он является директором Высшей инженерной школы федерального университета. Так он прямо говорит, что постоянно организует олимпиады для школьников, призеры которых уезжают в Москву или Питер. Никто здесь не задерживается.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Только по этой причине мы ничего вокруг и не создадим, не выстроим.

Г. Е. Зборовский: Ну, хорошо. Уезжают одни, но другие-то остаются, и их больше.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Мопассан как-то выразился, что все гении рождаются в провинции, чтобы умереть в Париже. Прогресс обеспечивает не более 10% общества — малая его часть. Остальные же люди являются потребителями этого прогресса.

Г. Е. Зборовский: Но нельзя ли использовать какие-то иные принципы высшего образования, изменить ситуацию в университетах? Ведь сегодня они существуют по тем же принципам властной вертикали.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Мы пробуем, мы ищем! Первое направление поиска — гимназия. Ее выпускники получают аттестат Тюменского университета, аттестат зрелости. Второе — школа одаренных, принцип которой заключается в том, что ребенок может учиться в любой школе, но 4 раза в неделю он занимается по особой программе, формирующей креативное мышление и т. д. Два года назад из 5 тыс. учеников 5-9 классов, которых нам рекомендовал

департамент, мы отобрали через олимпиадные задачи и т. д. всего 100 чел. Еще одним направлением является организация политехнической школы по подготовке специалистов по концептуальному инжинирингу — это своеобразная модель университетского инженерного образования, проектный подход, который реализуется вместе с теми фирмами, которым нужны определенные специалисты.

Складывается и университетская модель педагогического образования, задачей которой является выпуск педагогов с основательной фундаментальной научной подготовкой, хорошими методическими навыками и исследовательским подходом к своей профессиональной деятельности. Все эти поиски и формируют новую модель регионального университета.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, в нашем федеральном округе порядка 70 вузов. Среди них есть несколько таких «крепких», как исследовательский университет в Челябинске, федеральный университет в Екатеринбурге, опорный университет в Тюмени. Но это всего 3-4 вуза на весь округ, а что делать с остальными?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Я считаю, что молодежь надо «передерживать» на 4-6 лет, потому что рабочих мест для 17-18-летних на рынке труда просто нет.

Г. Е. Зборовский: Но это плохо!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Да, плохо, но высшее образование сейчас очень заброшено со стороны властей. Мы федеральное государство, и это должно быть признаком силы, а не слабости. Во всех федеральных странах — ФРГ, Канаде, США вузами управляют регионы. Почему у нас нельзя сделать так же? Для начала, в порядке эксперимента, только для регионов с хорошим бюджетом — таких в стране около десяти. В Ханты-Мансийском округе или в Якутии университеты процветают благодаря местному, региональному бюджету. После того, как среднее профессиональное образование отдали на региональный уровень, расцвели все наши колледжи. Это был бы выход, причем даже там, где бюджет недостаточный. В этой ситуации можно было бы выделить из федерального бюджета дотации на содержание университета, как это делается во многих государствах, а дальше смотреть — либо власти региона обойдутся этим, либо найдут еще дополнительные финансы. А они найдут, уверяю вас! Вот это было бы для нашей страны интересно. Вот тогда можно было бы говорить о региональной модели.

Г. Е. Зборовский: Понятно.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Но такого у нас нет. Федеральный центр, Москва не идет на это. Высшее образование — это слишком серьезный рычаг, в том числе из электоральных побуждений. У меня была большая статья в журнале «Социология образования» и в книге «Экономика и управление в вузе: дискурс на рубеже веков» о проблемах собственности и управления. Если говорить о последнем, то самой главной проблемой является то, что мы не контролируем должным образом качество подготовки. Председатель ГЭК, как правило, прикормлен, приручен: приехал и подписал, а принимают те же, кто и учил. Кстати,

в военных училищах и академиях такой системы нет, т. е. получается, что там понимают, что можно, а что нельзя. Решить эту проблему можно, введя правило о том, что хотя бы половина комиссии ГЭК должна состоять из сторонних экзаменаторов.

Также хочется сказать по поводу мониторинга. Разве ЕГЭ — это показатель знаний? А какое отношение к нему имеет вуз? На сложных, естественнонаучных, инженерных специальностях до 5 курса доходит примерно половина студентов. Та же картина у математиков, физиков, инженеров: студенты отчисляются, проучившись год, два, три. Ладно, если коммерция, но и бюджетные студенты — не исключение. Оценить эффективность работы вуза элементарно — достаточно посмотреть, сколько студентов отчислено, сколько они проучились семестров, сколько стоит семестр в вузе, и сколько, таким образом, вуз потерял денег. Но об этом никто не говорит, а Москве такие элементарные вещи просто не интересны. И еще, я считаю, что необходимо восстановить распределение бюджетных выпускников вузов.

Г. Е. Зборовский: Понятно. Геннадий Филиппович, как вы думаете, что ожидает наше высшее образование в определенной, исторически обозримой перспективе? Каким будет Ваш прогноз? Каковы тенденции?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Думаю, те же, что и сейчас. Во-первых, продолжится вестернизация высшего образования: эти процессы инерционны, да и обороты набраны большие. Во-вторых, будут нарастать масштабы высшего образования, в том числе и для подготовки рабочих кадров (прикладной бакалавриат), поскольку это — реальная потребность новой экономики.

Г. Е. Зборовский: По моему мнению, сейчас существует тенденция к уменьшению роли региона вообще и сел, деревень, малых городов в частности. Т. е. село гибнет, потому что гибнут сельские школы и больницы, люди массово переезжают из деревень в более крупные населенные пункты. Этот процесс стремительно продолжается, экстраполируется на мелкие и средние города, что означает угрозу для существования вузов. Сейчас бо́льшая часть населения стремится в столицы, миллионники и крупные города. Получается, что мы сводим всю Россию только к трети населения всей страны.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Почему же? Мегаполисов достаточно много. И речь не только о городах-миллионниках, можно им не быть, но обладать его признаками!

Г. Е. Зборовский: Вы имеете в виду крупные города, которые имеют хорошие вузы?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Тюмень тоже имеет все признаки миллионника. Только с большей выгодой для населения, т. к. у нас меньше экологических проблем.

Г. Е. Зборовский: По классификации Н. Зубаревич, Россия — это крупные города, глухая деревня и мелкие города.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Профессор, у меня есть интересный тест. Скажите, пожалуйста, вы представляете расстояние от Москвы до Владивостока?

Г. Е. Зборовский: Конечно, представляю.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Где середина железнодорожного пути?

Г. Е. Зборовский: Я думаю, что половина пути где-то в районе Красноярска.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: На 1000 км восточнее — станция Половина под Черемхово. Что в одну сторону, что в другую. Вот эта вторая половина — пустая. И народ продолжает уезжать. Но если мы район с такими благодатными условиями для жизни не можем заселить, что уж говорить.

Г. Е. Зборовский: Там даже из городов уезжают. Из Владивостока население бежит.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это беда. Половина территории страны пустует.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, давайте поговорим о формах развития организации научной деятельности в вузах. Влияет ли то, что происходит в науке региональных вузов, на регионы?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Конечно. Но для этого университеты должны создавать самостоятельные научно-организационные структуры — некие научно-исследовательские институты. У нас есть Институт экологии и природопользования, который вначале создавался как маленькая лаборатория, разросшаяся сейчас до 50 чел. Сотни миллионов рублей — объем выполняемых хоздоговорных работ, таких как обустройство нефтяных месторождений после освоения, изготовление строительных и дорожных материалов из буровых растворов. Так отходы превращаются в доходы.

Также и с Институтом региональных энциклопедий. Мы получили от этого проекта 100 млн руб. — это по 4 тома на каждый субъект федерации. Итого 12 томов тиражом около 100 000 экз. — интеллектуальный памятник. Но для этого был создан самостоятельный институт: директор, зам, сотрудники, помощники. Вот с гуманитарным институтом у нас не получилось: мы их содержали, давали какой-то минимум, а они не хотели участвовать в учебном процессе. Зачем нам такая научно-исследовательская структура?

Почему хорошо развился Томский университет? Потому что властью сразу было создано 4 научно-исследовательских института, работающих на оборону. Поэтому и иностранцы давали Томскому университету много грантов — хотели получить научную информацию, которая там накопилась. Почему Новосибирский университет хорошо развивается? Потому что в городе располагается Сибирское отделение академии наук. Я им всегда говорю: «Коллеги, вы как луна — светите отражением солнца». А солнце — академический городок. У университета даже здания приличного не было, построили только в прошлом году.

Я считаю, что нужны крупные научно-исследовательские структуры, потому что кафедры чаще всего не в состоянии решить глобальные проблемы и вообще должны заниматься главным — учебным процессом. А на деле заведующие только успевают выполнять поручения ректората по дорожным картам и т. д. В этом я вижу решение проблемы.

Г. Е. Зборовский: Хорошо. Скажите, какие риски на данный момент существуют для развития высшего образования?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Низкое качество, невостребованность выпускников, перепроизводство по отдельным специальностям: например, экономисты, юристы и т. д. Конечно, со временем мы с этим справимся, наведем порядок. Когда я стал ректором во второй раз после возвращения из Москвы, меня в шутку звали «ректор-рецидивист», потому что после ректорства я уехал, конечно не по своей воле, а потом вернулся снова на должность ректора. Причем народ избрал, спасибо им. А я сказал так: «Мое главное обещание — если хоть на один день в университете задержат зарплату, сразу положу заявление на стол». И ни разу, ни на один день свое обещание не нарушил.

Г. Е. Зборовский: Я помню Ваше выступление на конференции в МГУ. Вы тогда рассказывали о средней зарплате у Вас в университете, а половина зала не верила.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Почему не верили?

Г. Е. Зборовский: Они думали, что это нереально, потому что сравнивали с тем, что у них. И с одной стороны, понимали, что ректор не может врать, что он говорит правду. А с другой — просто не верили, что может быть так хорошо.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Если бы только зарплаты. У нас же такие находки были! Сейчас это уже ушло, а раньше к праздникам мы давали не премии, а набор продуктов в 1-2 мешка. Народ называл это «ректорской отоваркой». Профессура, понятно, иногда ворчала, получая этот мешок, что «могли бы и икорки к празднику положить». А если уборщица, у которой трое детей? Только представьте, мы в размере ее зарплаты давали набор продуктов — дети на месяц фруктами обеспечены! Так поддерживали народ.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, ректора выбирали в 90-е гг., а потом перестали. Как Вы думаете, хорошо это или плохо?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Конечно, плохо! Сейчас хоть какая-то видимость есть, что избирают.

Г. Е. Зборовский: Какая видимость? Ректора же не выбирают!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это только в федеральных университетах, а в обычном вузе избирают.

Г. Е. Зборовский: Но не во всех?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: В большинстве! В Москве есть специальная комиссия, которая одобряет для избрания не менее двух кандидатур, рассматриваемых на Ученом совете. Последний раз мы избирали ректора три года назад, а сейчас его назначают, потому что мы попали в список «5-100». Москва понимает, что если у вуза слабый ректор, но есть система выборов, внедрить подходящего кандидата со стороны не получится. Свой нужен, и в этом заключается самая большая беда.

Г. Е. Зборовский: Да, мы сейчас с этим столкнулись, потому что ректор федерального университета — в прошлом чиновник, премьер-министр. И он привел с собой кучу людей.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Они хорошо «кормятся»!

Г. Е. Зборовский: И еще как! Причем у каждого по два-три заместителя, тоже из чиновников. Образования не знают, науки не знают, но рулят.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это беда! Вот у нас ректор молодой, но талантливый, очень способный. Первый ректор, который получил образование здесь, в нашем вузе. Молодец. Я считаю, что вуз состоялся, если из числа его выпускников можно выдвинуть на должность ректора вуза.

Для ректора важно выстроить отношения с городской, региональной властью. Помню свое возвращение из столицы в Тюмень: тогда ко мне было очень настороженное отношение. Сидели мы как-то с губернатором, пили чай, говорили о делах, и он вдруг спросил: «Ты не меня, случайно, подсиживаешь?». Извините, до отъезда в Москву я баллотировался на должность первого секретаря обкома партии, и не хватило 20 голосов, чтобы победить. В списке было 18 кандидатов, даже заместитель премьер-министра. Я ни дня не работал на партийной работе, однако занимал должность заместителя министра образования и России, и Союза. Поэтому у губернатора были основания для такой опаски. Мы с ним потом нашли общий язык, но я понимал, что в его команде быть не могу из-за того, что он исповедовал командный стиль управления.

Сейчас у нас другая ситуация. Во-первых, нынешний ректор учился в одно время с губернатором — не вместе, но все равно они периодически виделись. Во-вторых, он местный. В-третьих, всего 10 лет разницы в возрасте. Ведь если одному 60 лет, а второму 30, дружбы не получится.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, я бы хотел поднять тему развития высшего образования, ведь старшее поколение профессоров, ученых, организаторов науки просто вымирает. Я сам свидетель того, что на колоннах университета каждый месяц висит по 2 некролога.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: И беда заключается не в том, что профессора умирают — это природа берет свое, а…

Г. Е. Зборовский: … в том, что никто не приходит на смену!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Да, молодежь талантливая есть, а среднего поколения нет! Вот на кафедре социологии все профессора пенсионного возраста. Кому передавать кафедру? Не знаю. Есть одна очень способная женщина — кандидат наук, доцент. Она моя аспирантка, но ей 30 лет. Все!

Г. Е. Зборовский: Скажите, пожалуйста, а новые образовательные технологии, с точки зрения ресурсов, как-то влияют на развитие региона или нет?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Мы строились во многом потому, что у нас был Институт дистанционного образования, где обучались 10 тыс. студентов из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и других стран.

Г. Е. Зборовский: Эту образовательную технологию Вы считаете одной из наиболее значимых?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Качество-то слабенькое.

Г. Е. Зборовский: Плохое качество, плохое.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Но диплом давали, деньги получали! Сейчас мы, конечно, резко сократили набор, потому что видим, что качество страдает.

Г. Е. Зборовский: Но заставляют ведь снова развивать!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это немного другое, это открытое образование, лекции ведущих профессоров. Мы сейчас делаем уже несколько таких программ.

Г. Е. Зборовский: Это уже другое, Геннадий Филиппович!

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Главное, что технологии используются те же. Некоторые курсы имеют непринципиальный характер и проходят в режиме онлайн, без преподавателя. Нужно просто выйти на наш портал, прочитать то, что требуется и сдать зачет. Все! Сейчас ректорат настаивает на том, чтобы с 1 сентября мы выбирали 1-2 курса по каждой специальности. Но не все дисциплины подходят для самостоятельного обучения: например, философия — слишком серьезная наука.

Г. Е. Зборовский: Скажите, насколько продуктивны такие курсы без контактов с преподавателем, без межличностного общения? Как можно учить человека, не взаимодействуя с ним непосредственно?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Профессор, но Бога мы с Вами тоже не видим. Но он нас учит, наставляет, воспитывает!

Г. Е. Зборовский: Да, но я не считаю, что это достаточный аргумент, Геннадий Филиппович.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Два онлайн-курса мы уже выставили, пять (педагогика и психология, правоведение для непрофильных специальностей, философия, концепция современного естествознания) готовятся. Это для студентов дневного отделения. Пользователи наших услуг могут сказать: «Вы почему цены задираете? Они вам во что обходятся?». Так что тут тоже свои проблемы.

Г. Е. Зборовский: Теперь давайте поговорим о профессиональном сообществе нашего вуза. По Вашему мнению, его роль может повышаться или на это трудно рассчитывать?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Разберем это на двух примерах. Первый: август — учителя и преподаватели среднего профессионального образования проводят общие совещания, делятся опытом. А что в вузах? Ничего! Есть губернатор, есть департамент. Так почему нельзя раз в год собрать всю педагогическую общественность, послушать их, позволить им сказать? Я считаю, это неправильно. Второй: скажем, есть математика — серьезный предмет, главной проблемой которого являются кадры преподавателей. Но никакого методического объединения, которое смогло бы помочь в решении этой проблемы, в рамках города, региона нет. Вот рычаги, через которые нужно действовать.

Г. Е. Зборовский: Понятно. А когда-то такие объединения, между прочим, были.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: При советской власти. Тогда же проводились и семинары, когда собирали, например, математиков, что-то им предлагали.

Г. Е. Зборовский: Значит, разобщенность.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Точно!

Г. Е. Зборовский: Вот такая атомизированность.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Я не понимаю одно: если есть власть, и она заинтересованы в развитии высшего образования, в повышении его качества, то почему она не помогает?

Г. Е. Зборовский: А изнутри есть активность, самоорганизация профессионального сообщества? Или для этого нужна какая-то особая инициатива?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Пока только по линии профсоюзов. Вот они организуются, путевки предоставляют своим. Еще можно сказать, что научные журналы как-то объединяют, консолидируют сообщество. А так, конечно, полная разобщенность! Я считаю, что в вузе все зависит, прежде всего, от ректора, а он ведь как мелкопоместный феодал: все мое. Попробуйте, например, получить в вузе любую информацию, так ее сразу выставят «полусекретной» и нигде — ни на сайте, ни от администрации вуза, ее не добьешься.

Г. Е. Зборовский: Выходит, что сегодня роль профессионального сообщества в управленческой политике минимальна и не вписана.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Минимальна!

Г. Е. Зборовский: Я правильно понимаю, что и на ближайшее будущее прогноз будет пессимистичным?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это будет зависеть от того, какие люди придут во власть. Потому что жилищные кооперативы те же, хотя существует множество людей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Почему бы не объединиться? Договоритесь с ректором, что от нас — поиск банка, который будет давать деньги на строительство жилья, а от вас — гарантированный возврат этих денег, мы же у Вас работаем. Мы так и строили: заключали с банком контракт, брали большую сумму — но не сразу, а по мере строительства. Как бы иначе мы сумели за 5-7 лет построить пять жилых домов для сотрудников.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, Ваш вуз уже провозглашен опорным или еще становится им?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Нет, провозглашен индустриальный. Мы все-таки нефтяная провинция.

Г. Е. Зборовский: Понятно. А вот касательно связей и отношений между вузами — я считаю, что сегодня они отсутствуют. Существует совет ректоров, они собираются раз в месяц, обсуждают какие-то вопросы, но реальных взаимодействий между вузами практически нет.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Почему же? У меня сейчас одна аспирантка занимается аспирантурой вузов, проводит во всех вузах Тюмени исследования, опросы. И ей помогают, дают информацию.

Г. Е. Зборовский: А что Вы скажете по поводу сетевого взаимодействия между вузами? В том же Уральском федеральном округе 70 вузов, все они делятся по определенным категориям, параметрам, ведь так? Есть классические университеты, есть технические, отраслевые. Есть вузы, развивающие инфраструктуру — бюджетные медицинские, педагогические, аграрные, строительные и т. д. Однажды я спросил директора Инженерной школы О. Ребрина: «Будучи авангардным институтом, Вы работаете на регион, его вузы? Вы же самые сильные ученые в области инженерной тематики». Он говорит: «Нет, не работаем». Т. е. он понимает, что надо, но ничего не делает.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Ну, что я могу сказать. Одна из причин того, что это не работает — великодержавный уральский шовинизм. Когда я появлялся раньше либо в политехе, либо в классическом университете, все смотрели с таким пренебрежением: «Откуда Вы? Из Тюмени? А это где?». Договорился как-то о встрече с ректором Уральского университета. В 5 часов утра выехал на автомобиле, в 8 уже был в Екатеринбурге. Захожу в его кабинет, он сидит под роскошной пальмой в бывшем кабинете председателя совнархоза и спрашивает меня: «А ты как оказался здесь?». Я говорю: «Приехал». Он удивляется: «А что, это так близко что ли?», на что я ему отвечаю: «Господи, всего 300 километров!». Он даже не знает расстояние между нашими городами, какое тут сетевое взаимодействие!

Ну, а потом — люди. Вот с академиком Г. Романцевым у меня великолепные отношения, мы с ним их поддерживали и поддерживаем, и журнал вместе издаем. Но эти отношения никак не формализованы, они просто есть. Я и сейчас общаюсь со многими бывшими ректорами, руководителями вузов. По крайней мере они меня знают, на просьбы откликаются.

Г. Е. Зборовский: Связи между ректорами вообще уникальны, потому что ректоры — особая когорта людей.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Они настолько особые, что когда маршал Сергеев был министром обороны, и его пригласили на совет ректоров Москвы, он посидел, послушал всех, а потом сказал: «Давайте так: всем ректорам вузов генеральские звания дадим. Они того стоят». Хорошо, что помощники обратили внимание маршала на их возраст.

Г. Е. Зборовский: Значит, все-таки сетевые взаимодействия — это особая проблема.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Это инициатива. Там, где надо — будет это взаимодействие.

Г. Е. Зборовский: Геннадий Филиппович, как Вы думаете, какова роль такой личной инициативы? Конечно, мы зависим и от властей, которые могут сделать что-то для вуза, и не сделать. Но если появляется какой-нибудь ректор, горячо заинтересованный в том, чтобы развивать в вузе инициативы демократизации и взаимодействия, что будет? Сейчас студенты и педагоги — это одно, а управленцы — совсем другое, это, так сказать, резко оторвавшийся от всех слой. Они не видят многих вещей.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Ну, это только самая тонкая верхняя прослойка — ректор, ректорат. Другое дело — начальники управлений.

Г. Е. Зборовский: Это у Вас может быть так! А у нас иначе.

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Да, это у нас, мы же в другой ипостаси сейчас. Мы среди вузов, которые вошли в программу «5-100», в числе ведущих.

Г. Е. Зборовский: В моем понимании то, что происходит в вузе сегодня, это самый настоящий кошмар. Раньше была пирамида, которая очень хорошо все выражала. А сейчас гриб с вон какой толстой шляпой — это управленцы наверху, а дальше тоненькая ножка и внизу там что-то. Геннадий Филиппович, по

Вашему мнению, какие проблемы все-таки существуют сегодня у вузов во взаимодействии с органами власти?

Г. Ф. Шафранов-Куцев: Вы знаете, главная проблема заключается в том, что вуз и ректор не должны заниматься общественным питанием, спортивными сооружениями, медицинскими учреждениями. Это должен делать город, потому что он отвечает за инфраструктуру, берет налоги с родителей студентов. Поэтому если имеется, скажем, 50 тыс. студентов, то администрация должна предоставить бассейн, дом студентов, дом ученых, гостиницу, поликлинику и т. д. Вуз не должен создавать инфраструктуру в одиночку. Это беда, потому что у ректора 90% времени уходит на подобные вещи, когда ему заниматься учебным процессом, наукой? По-моему, это вполне можно решить: наметить программу на ближайшие пять лет, заняться новыми школами, программой развития инфраструктуры вузов — вплоть до учебных корпусов. Почему вуз должен сам строить общежития? Можно же сделать городскую гостиницу для студентов из разных вузов. Это главная проблема с органами власти.

Но есть и другие. Многие вузы уже накопили приличную инфраструктуру: например, я был в университете Аляски — у них есть университетский океанариум, которым пользуется весь штат; в Западной Германии научная университетская библиотека обслуживает все библиотеки мира. А у нас что творится? Есть областная научная библиотека, в которой кроме студентов никто не бывает, есть очень хорошая университетская база отдыха на берегу Черного моря и зоологический музей — лучше, чем областной. Почему бы не вывести это на город? Но не пускают, говорят, что мы не выдерживаем СанПиНы. Вот параллель, когда вузы могли бы взять на себя то культурное, чем сейчас занимается власть, потому что ей положено. И пускай занимается, но используя базу вузов.

Г. Е. Зборовский: Все понятно. Такое взаимодействие, конечно, необходимо. Спасибо, Геннадий Филиппович!